

Ю.М. Плюснин

СКРЫТАЯ СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Наша жизнь — как слеза на реснице.

Ключевые слова: социальная напряженность, настроение, разобщенность, ценностный сдвиг, отношение к реформам, протестные намерения

В конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века среди обществоведов страны — как социологов, так и только-только нарождавшихся политологов — приобрела популярность тема социальной напряженности. Расщеплявшееся советское общество давало тому много поводов. Этнополитические противостояния и военные конфликты заставляли искать оправдания и обоснования, которые чаще всего ограничивались политико-историческими и прагматическими концептуальными схемами. Время не позволяло углубляться в теоретические построения, повесткой была злоба дня — текущее состояние общества. А поскольку состояние это было возбужденным и взбудораженным, такими же были и его описания. Речь шла не о работе по скрупулезному исследованию общественной деструкции, а о поисках срочных подручных решений, сродни задачам скорее министерства по чрезвычайным ситуациям, нежели науки. Потому дельных теоретических конструктов общественной напряженности и не вышло. Немаловажную роль здесь сыграло, на мой взгляд, и одно процедурное обстоятельство: напряженность в обществе обычно изучают тогда, когда она уже проявилась и обнаруживается в поведении больших групп людей. Но когда напряженность приобретает форму деструктивных массовых действий — народных волнений, беспорядков или бунта, — она, по сути, перестает быть собственно социальной напряженностью, ибо перерастает в революционный процесс, инициирующий новые направления развития общества.

Из приведенного соображения следует, что социальная напряженность имеет по меньшей мере две различимые формы, или фазы: явную, заметную всем, и латентную, до времени скрытую. Явная форма — это конечная фаза, завершение процесса созревания напряжения в обществе. Основная (и гораздо более длительная) фаза — именно латентная, которая обычно не видна ни полицейскому, ни обывателю, ни даже исследователю — и только «нутром чутся», что в обществе что-то напряглось, натянулось.

В данном контексте наиболее уместной мне представляется метафора чирья: несет угрозу здоровью и вызывает сообразный этому интерес пациента не уже вскрывшийся фурункул и излившийся из него гной, а то, что до этого набухало, зрело и зудело несколько дней. Когда чирей вскрылся, боль, как и самая болезнь, проходит. Болезнью является как раз тот период, когда еще только возникает покраснение и набухает кожа. Точно так же обстоит дело и с социальной напряженностью. И если ученый станет заниматься не «краснотой» и «набуханием», а лишь продуктами этого процесса, он уподобится полицейскому чиновнику — и уж во всяком случае никак не продвинется на пути понимания того, что было нарушено в общественном порядке и вызвало напряжение «общественных струн».

Итак, под социальной напряженностью следует понимать не столько видимые нарушения общественного порядка и деструктивное социальное поведение, которое уже приобрело характер бунта, сколько то, что подготавливает бунт и другие проявления массового протеста. Именно это я и называю скрытой социальной напряженностью, концепцию которой начал разрабатывать еще в 1993—1996 гг.

**Концепция
скрытой
социальной
напряженности**

Скрытую социальную напряженность можно определить как дисфункцию общественного сознания, вызванную нарушением деятельности базовых социальных институтов, что, в свою очередь, отражается на душевном состоянии, ценностных установках (менталитете), а затем и на повседневном поведении значительной части общества.

Непорядок в общественном устройстве сам по себе не может вызывать напряженности. Необходимо, чтобы люди почувствовали и осознали нарушение порядка. Ощутить душевное напряжение (на современном научном жаргоне — испытать психоэмоциональный стресс) должна сразу большая часть общества, и происходит это во время экономических и политических кризисов, когда оказываются поколеблены привычные устои хозяйствования и повседневной жизни. Невозможность быстрых решений приводит в последующем и к кризису идеологических институтов. На фоне психологического стресса в обществе формируется «вакуум мировоззрения». Накопление этого невидимого, но всеми чуемого «вакуума» вынуждает людей предпринимать попытки действий (а в предельном случае — и сами действия), нацеленные на нормализацию общественной ситуации. Для подавляющего большинства членов общества нормализация означает возвращение к прежнему стабильному состоянию, но не в политическом, а в индивидуальном, прагматическом смысле, поскольку именно это снимает душевное напряжение и возвращает жизнь человека в привычную колею.

Поиск путей решения проблемы оказывается многовариантным, и, поскольку базовые институты нарушены, действия людей начинают выходить за рамки установленных норм. Распространяются формы отклоняющегося поведения (отклоняющегося как от всеобщих правовых

норм, так и от локально сложившихся правил и стереотипов социального поведения в конкретном обществе). При этом включается механизм положительной обратной связи, нередко играющий ключевую роль в окончательном разрушении социальной и политической организации¹: психоэмоциональное напряжение в обществе способствует тому, что делинквентное, аддиктивное, асоциальное и антисоциальное поведение многими начинает рассматриваться как допустимое, и скорость его распространения все больше нарастает. Уже не считаются зазорными не только кража коробка спичек в гостинице или драка в присутственном месте, но даже похищение детей и убийство партнера по бизнесу. Нарушенное общественное сознание с одинаковым безучастием воспринимает то и другое². Поведение и установки людей опасно сближаются с описанным когда-то Б.Беттельхеймом поведением заключенных в концлагере³. Надо думать, с этим согласятся все, кто помнит состояние российского общества в первой половине 1990-х годов.

Таким образом, концепт социальной напряженности включает в себя следующие моменты.

1. Процесс «запускается» столь сильными изменениями в условиях жизнедеятельности общества, что это приводит к нарушениям в функционировании базовых институтов и угрожает всей системе жизнеобеспечения социума. На индивидуальном уровне люди ощущают, что основы их бытования и хозяйствования кардинально изменились или даже разрушены и им надо поменять свое поведение, чтобы сохранить прежние условия жизни либо как-то приспособиться к новым.

2. Неопределенность существования и необходимость отказа от привычных норм поведения вызывают психоэмоциональное напряжение у большого числа людей (начало 1990-х годов для многих ознаменовалось таким радикальным сломом жизненных устоев, что в оборот вошло старинное изречение: «Наша жизнь — как слеза на реснице»).

3. Изменение стереотипов поведения, необходимость поиска новых ответов на вызовы влекут за собой выход за пределы естественного права, и в обществе шире обычного распространяются всевозможные формы отклоняющегося поведения⁴. Этому благоприятствует и снижение социального контроля. Ярче всего в нашем обществе это, наверное, проявляется в отмене запрета на публичное употребление инвективов и, соответственно, широком распространении мата во всех сегментах публичного пространства — от улиц до газет и телевидения. Примечательно, что в революционный период начала XX в. наблюдалась та же картина — в 1920-е годы материться и плевать на пол в общественных местах было чуть ли не нормой «пролетарского» поведения.

4. Процесс охватывает значительную часть общества, в него вовлекаются люди из разных социально-профессиональных групп и, что важно, разное по состоятельности население.

5. Срочный поиск новых способов жизни, новых моделей жизнеобеспечения, низкая приспособленность к изменившимся условиям, снижение социального контроля и распространение отклоняющихся

¹ По этому поводу см. исследования психологии толпы и нарушений норм обычного права в периоды радикальной перестройки политической структуры общества, напр. Лебон 1995: 149—201; Фуко 1999: 48—100, 376—430. О смещении представлений о нормах поведения во время Великой французской революции см. Кропоткин 1979: 19—28, 40—42, 232—241, 289—296, 393—400, 439—434.

² Ср. общественные настроения при созерцании публичных казней или участия в таких «представлениях» детей и женщин в праздничных нарядах (Кропоткин 1979: 439—440; Фуко 1999: 7—47).

³ Беттельхейм 1992.

⁴ Штраус 2007: 39—79.

форм поведения способствуют разобщенности людей, а в более широком масштабе ведут к образованию «трещин» на сосуде социального единства: общество начинает расщепляться на множество (само)изолирующихся групп. «Трещины» начинают проходить как между этносами, так и между профессиональными группами, как между территориальными общностями, так и внутри локальных сообществ и семей. Разобщенность, таким образом, становится тотальной⁵.

⁵ На разобщенность как важнейшую предпосылку социального взрыва указывали в свое время Э.Зиман с коллегами (см. Zeeman 1976: 69—75).

6. Результатом этих взаимосвязанных процессов оказывается дисфункция общественного сознания, выражающаяся в нарушении основ мировосприятия и, как следствие, в мировоззренческой неопределенности, «вакууме мировоззрения»⁶. Именно такое состояние общественного сознания и является главным признаком скрытой социальной напряженности.

⁶ Этот момент как ключевой для напряженности отмечал также Т.Куран, разрабатывая концепцию социального диссонанса (см. Kiran 1998).

7. Нарастание напряженности сопровождается возрастающей готовностью к действиям (которые сами люди рассматривают как вынужденные), направленным против существующего социального порядка ради достижения желаемого состояния — чаще всего возврата к прежнему.

8. Момент трансформации скрытой напряженности в явную, то есть перехода от стадии эмоционального и ментального неустройства к стадии активных действий по избавлению от стресса, знаменует собой завершение процесса вызревания социальной катастрофы, когда «точка бифуркации» безвозвратно пройдена⁷. По аналогии с индивидуальной психологией, значение этого момента определяется снизившимся «порогом фрустрации», когда вызревшее общественное напряжение выливается в деструктивное поведение. Целью такого фрустрационного поведения всегда бывает возвращение к прежнему стабильному состоянию, а результатом — разрушение многих и без того уже разваливающихся общественных институтов и болезненное образование новых, далеко не всегда желанных даже для тех, кто их создает.

⁷ См. Постон, Стюарт 1980: 514—536.

Изучение фазы явной напряженности связано с анализом массового деструктивного поведения и его итогов, изучение же скрытой социальной напряженности предполагает обращение к эмоциональному состоянию людей, их установкам и намерениям. Собственно, скрытая социальная напряженность — это прежде всего дисфункция общественного сознания, сопровождающаяся психоэмоциональным стрессом, снижением социального контроля и отклонениями в поведении.

Действующим агентом напряженности выступает осознанная готовность к борьбе за сохранение (восстановление) привычной и стабильной социальной среды. С психологической точки зрения социальная среда имеет два уровня, по-разному актуальные для индивида. Первый уровень — это непосредственное окружение, стабильность и благоприятность которого жизненно необходимы любому человеку. Но то и другое в общем случае полностью зависит от второго уровня — внешнего социального окружения, или социально-политической среды, в которой осуществляется профессиональная и экономическая деятельность людей.

⁸ «Близкую» и «дальнюю» социальную среду человека можно, как представляется, уподобить известной типологии Ф. Тённиса (Тоеннис 1887; перевод на русский язык см. Тённис 2002).

Структуры этих двух социальных сред различны: одна — родственно-соседская, партикуляристская, неформальная, то есть основанная на отношениях взаимности; другая — формально-политическая, статусная, рациональная, базирующаяся на отношениях экономического и социального обмена⁸. Актуальность для человека непосредственной социальной среды и ее зависимость от среды социально-политической приводят к тому, что вынужденность действий по сохранению первой и готовность к поведению, направленному на ее восстановление, оборачиваются изменением, радикальной трансформацией или разрушением второй, что обычно и диагностируется как рост социальной напряженности. И хотя напряженность концентрируется главным образом в экономической и социальной сферах общественной жизни, при переходе ее из скрытой в явную фазу ключевой точкой приложения сил становится сфера политическая, поскольку в глазах значительной части людей именно трансформация или разрушение «негодной», «неправильной» политической структуры есть условие восстановления нормальной жизни.

Структура скрытой социальной напряженности

Исходя из изложенной концепции, естественно выделить четыре относительно самостоятельных компонента напряженности, которые и образуют ее структуру: социальный, эмоциональный, ментальный и поведенческий. Связь между ними можно описать следующим образом. Нарушение общественной связности (стабильности), обусловленное неэффективным функционированием институтов, порождает на уровне отдельного человека эмоциональный стресс и рассогласование между наблюдаемой и идеальной (должной) картинами мира и общественного устройства; это расстройство чувств и мировосприятия охватывает значительное число членов общества, что в силу неясного по этиологии «эффекта заражения» влечет за собой нарастающее и непреодолимое желание изменить ситуацию, вызывая соответствующее поведение, которое само оказывается источником разрушения прежних социальных институтов.

Социальный компонент напряженности заключается в снижении социальной связности и единства, в росте разобщенности между людьми и социальными группами. При этом усиление разобщенности в ближайшем окружении человека имеет значение на этапе скрытой напряженности, а разобщенность на уровне социально-политической организации общества становится ведущим фактором обострения явных ее форм.

Эмоциональный компонент напряженности выражается в нарастании негативных переживаний в повседневной жизни людей, в формировании и развитии неадаптивных психоэмоциональных реакций (стресса) в ответ на неблагоприятные обстоятельства жизни, в неспособности большинства членов общества приспособиться к изменившимся социальным и экономическим условиям.

Ментальный компонент напряженности — это изменение социально-политических ориентаций, ценностных и смысложизненных (терминальных) установок, которое происходит у членов общества в случае долговременного влияния неблагоприятных экономических, социальных и политических факторов. Трансформация установок, ценностей и социальных ориентаций потенциально грозит стабильности существующей социальной структуры и политической организации, поскольку массовый характер изменений обуславливает негласную смену норм социального поведения, а новые нормы входят в противоречие с принятыми в данном обществе. В большинстве случаев смена норм предполагает и изменение общественной структуры. Но раз так, то ментальный компонент напряженности проявляется в распространении негативных оценок базовых социальных институтов, прежде всего, конечно, института власти, и в значительном, часто внезапном, росте политической активности людей.

Поведенческий компонент напряженности включает в себя два аспекта — распространение делинквентного поведения и усиление готовности к действиям, разрушительным по отношению к существующей социальной структуре. В первом случае речь идет о все более широком вхождении в практику различных форм отклоняющегося поведения. Такое поведение — самый мощный источник напряженности, а его носители чаще всего потенциально опасны для стабильности социальной структуры, как всегда опасны для общества люди, пренебрегающие принятыми в нем нормами.

Во втором случае имеется в виду реальная готовность или predisposedность человека к действиям, способным изменить, разрушить установленный порядок или нанести ему ущерб. Прежде всего это акции протеста экономического или политического характера, базирующиеся на целенаправленном, сознательно выбранном поведении, — забастовки, митинги, демонстрации. Крайней формой подобного рода действий являются массовые беспорядки. Судя по всему, здесь мы сталкиваемся с поведенческим актом, обусловленным бессознательным выражением чрезмерно высокого эмоционального напряжения (а следовательно, достаточно быстрым достижением и без того низкого порога фрустрации) с использованием механизмов имитации, «заражения» и внушения⁹.

Выделенные компоненты дают возможность операционализировать проблему скрытой социальной напряженности, позволяя идентифицировать ее признаки и выработать совокупность показателей (индикаторов) для измерения уровня напряженности в обществе.

⁹ К вопросу об истоках и природе подобного поведения обращались многие, в том числе такие известные ученые, как И.А. Сикорский, В.М. Бехтерев, Г. Лебон, однако удовлетворительного ответа на него до сих пор нет.

Признаки и индикаторы напряженности

Поскольку скрытая напряженность есть прежде всего нарушение сложившихся отношений и разлад в системе представлений людей о себе и мире, сопровождаемые психоэмоциональным стрессом и стремлением «вернуть все, как было» (результатом чего оказывается совсем

не то, что желалось), то основными признаками напряженности будут: эмоциональный стресс (изменение повседневного настроения людей, их душевного состояния, восприятия жизни и планов на будущее), разобщенность (изменения в структуре ближних социальных связей) и ценностный сдвиг (нарушения в системе ценностей и установок).

Об эмоциональном напряжении и разобщенности людей как о важнейших признаках социальной напряженности писали еще Зиман с коллегами¹⁰. По их заключению, именно эмоциональное напряжение (ключевое условие) вкуче с разобщенностью (пусковой механизм) создают предпосылки для социальных волнений и перехода их в бунты.

На значимость ценностных изменений сознания в общественных трансформациях (как позитивной, так и негативной направленности) уже более четверти века указывает Р.Инглхарт, обстоятельно изучивший этот вопрос¹¹. Но исследователей социальных настроений часто больше интересуют поведенческие составляющие напряженности — участие в забастовках, политических манифестациях и иных акциях протеста, их массовость, характер выдвигаемых требований и т.д. Между тем, как уже говорилось, это лишь видимый след нарастания напряженности, которого заведомо недостаточно для понимания степени неблагоприятного развития общественной ситуации.

Совокупность признаков напряженности можно определить, опираясь на четыре выделенных компонента латентной напряженности.

Множественность признаков социальной напряженности, проявляющейся через разные сферы жизни человека, привела к формированию столь же многочисленного и разнородного набора конкретных показателей. Его разработка ведется с начала 1990-х годов¹², в результате сложился комплекс показателей, немалая часть которых используется и теперь. Если исключить варианты, то он включает в себя примерно полтора-два десятка отдельных эмпирических показателей, в основном относящихся к двум группам: в первую входит отношение людей к текущим общественным преобразованиям, во вторую — их оценки собственного настроения, поведения, намерений. Данные того и другого типа обычно получают посредством массовых социологических опросов; поскольку с 1990-х годов такие опросы проводятся регулярно, практически в режиме мониторинга, сопоставление их результатов позволяет выявить динамику социальной напряженности (в том числе скрытой) в стране.

Однако социологи предпочитают пользоваться показателями явной напряженности. Среди любимых ими показателей — оценки перспектив развития страны и отношение к проводимым экономическим и политическим реформам, отношение к власти и оценка ее эффективности, сдвиги в системе терминальных индивидуальных ценностей, а также оценки респондентами вероятности возникновения протестных событий и своей готовности участвовать в них. Что же касается самооценок настроения, планирования жизни и социальной разобщенности, отражающих уровень психоэмоционального напряжения и, на мой

¹⁰ См. Zeeman et al. 1976.

¹¹ См., напр. Inglehart 1990a.

¹² См., напр. Руквишиников и др. 1992; Чернобай 1992; Соловьев 1993; Пошевнев, Костюк, Еремин 1996; Плюсин 1998.

взгляд, образующих пул важнейших индикаторов скрытой напряженности, то они, наоборот, входят в число нелюбимых.

Отталкиваясь от признаков социальной напряженности, ее индикаторы можно разделить на следующие группы: психологический стресс, социальная разобщенность, ценностный сдвиг, изменение социальных установок и поведенческая готовность к открытому возмущению.

Психологический стресс. Оценка человеком своего индивидуально-психологического статуса в меняющейся, кризисной ситуации проявляется в его повседневном настроении, в степени приспособленности к новым условиям жизни, в восприятии жизненных перспектив (наличие определенных планов на будущее). Эти характеристики сплетаются, хотя и не слишком тесно, со сдвигами в системе индивидуальных ценностей и социальных установок. Особенно большое значение для роста скрытой социальной напряженности имеет психоэмоциональный стресс, причем даже не столько острая, сколько хроническая его фаза, выражением которой служат чувство постоянной тревоги, страха, разочарования в жизни, ощущение безысходности, пессимизм, апатия, тоска и озлобление. Человек оценивает собственное душевное состояние и состояние своих близких. Для получения соответствующих данных могут использоваться шкалы самооценки при опросе и специализированные психологические тесты. Последние дают хотя и косвенную, но вполне объективную информацию, хорошо согласующуюся с полученной с помощью шкал самооценки¹³.

¹³ См. Леутин, Николаева 1988.

Чувство приспособленности есть генеральная характеристика отношения человека к миру, его ответа на трудности жизни, успешности преодоления им жизненных препятствий. Этот показатель тесно связан с другими самооценками, а также с оценками индивидом внешних условий его жизни. Ощущение неприспособленности к новым условиям однозначно указывает на высокий уровень социальной напряженности. Другим его индикатором служит негативная оценка качества жизни своей семьи, ее материального благополучия, влияющая как на эмоциональное состояние людей, так и на их отношение к преобразованиям в обществе. Но это весьма субъективный показатель. Например, мы знаем, что уровень жизни россиян за последние 10 лет вырос очень существенно, по многим параметрам даже на порядок. А вот соответствующего этому чувства удовлетворенности мы не наблюдаем; более того, в полном противоречии с реальностью люди нередко считают, что они стали жить хуже, чем в конце 1990-х годов. Это одна из мифологем общественного сознания¹⁴, находящая отражение в парадоксальном теоретическом постулате А.Сови о прогрессе как способности людей жить все лучше при постоянно ухудшающихся условиях жизни¹⁵.

¹⁴ См. Кордонский и др. 2011.

¹⁵ Сови 1977.

К той же группе относится и сравнительно редко используемый, но весьма динамичный показатель планирования индивидом своей трудовой и приватной жизни. Долгосрочность планов на будущее у одного и того же человека может варьировать от десятка лет до нескольких

недель, и зависит это преимущественно не от частных обстоятельств его жизни, а от внешних условий. На первых этапах исследования напряженности мне казалось, что резкое сокращение временных горизонтов планирования есть едва ли не ключевой признак роста напряженности, тем более что у среднего человека они буквально за несколько лет сократились с обычных в советские годы 3—5 лет до месяцев и недель в первой половине 1990-х¹⁶. Позже, однако, выяснилось, что этот показатель хорош для оценки степени кризисного состояния общества, но не сильно влияет на рост напряженности, хотя, несомненно, и является ее отражением.

¹⁶ Plyusnin 2001.

Социальная разобщенность. Представления об изменениях в непосредственном социальном окружении включают такие показатели, как повседневные отношения в местном сообществе, наличие и уровень поддержки со стороны родственников и соседей, чувство одиночества, социальные настроения среди близких людей. Для простого человека его ближайшее окружение в лице родственников и соседей имеет ключевое значение, и нарушение отношений в этом кругу, какими бы причинами оно ни было вызвано, нередко грозит разрушением его собственных жизненных перспектив. Часто внутренним причинам уделяют много большее внимание, нежели внешним¹⁷, исходя из неявного предположения, будто крепость ближних социальных связей настолько велика, что нечувствительна к внешним ударам. Между тем именно удары извне по ближним социальным связям вызывают наибольшее напряжение, порождая тенденцию к ответным действиям. Как бы то ни было, я считаю важными индикаторами напряженности качество отношений людей с непосредственным окружением, настроения среди близких, а также наличие взаимной поддержки. Такая поддержка важна как в бытовом, материальном плане, так и — в еще большей степени — в плане душевном. Ее отсутствие свидетельствует о разобщенности и отчужденности между людьми, нарушении общения между родственниками и соседями, разделении ранее сплоченной местной общины на лагеря и враждующие группировки. Все это разрушает локальную солидарность и вызывает у человека чувство одиночества, что само по себе является источником эмоционального напряжения.

¹⁷ Тому примером служат многочисленные социально-психологические исследования конфликтов, где если и рассматриваются межгрупповые конфликты, то только возникающие на внутригрупповой основе.

Показатели социальной разобщенности определяются посредством прямых наблюдений или с помощью опросов. Первый метод позволяет получить объективную информацию о расщеплении локального сообщества на противостоящие группы («кланы»), однако он чрезвычайно трудоемок и требует значительных временных затрат. В случае же массовых опросов речь идет о субъективной оценке респондентами качества их повседневных отношений с родственниками и соседями, наличия материальной и душевной поддержки со стороны близких и т.д.

¹⁸ Inglehart 1990b, 2008; Ланин и др. 1996; Дубов (ред.) 1997; Плюснин и др. 1999.

Ценностный сдвиг. Изменения в системе ценностей и аттитюдов отражают как общественные потрясения, так и укрепление стабильности; это давняя идея социологов, исследующих кризисное сознание¹⁸. Думаю, что отправной точкой для изучения общества в этом аспекте

¹⁹ Левин 2000:
160—178.

²⁰ Maslow 1954.

²¹ Inglehart 1990b;
2008.

²² Плюснин и др.
1999.

стали работы К.Левина и А.Маслоу: первый в 1930—1940-х годах сфокусировал внимание на проблеме социального конфликта и его корней¹⁹, второй в 1940—1950-х сформулировал концепцию ценностного роста²⁰, раскрывавшую психологические механизмы развития конфликта. С 1980-х годов признанным лидером в разработке проблемы взаимоотношенности социальных трансформаций и сдвигов в системе терминальных ценностей человека является Инглхарт, известный обширными межстрановыми исследованиями изменений в системах ценностей²¹. Такие сдвиги действительно показательны: по мере роста благосостояния и развития социального государства все более широкое распространение в социуме получают постматериальные ценности, которые приобретают в глазах людей приоритет над ценностями материалистическими. У постоянно возрастающего числа членов общества ведущими становятся ценности самореализации и самоактуализации личности, тогда как ценности материального благополучия и безопасности отодвигаются на задний план. В свою очередь, кризисному развитию общества сопутствует ценностный сдвиг в обратном направлении — в сторону преобладания ценностей материального благополучия и безопасности в ущерб просоциальным ценностям самореализации²². Определенность направления сдвига позволяет фиксировать рост скрытой напряженности по степени предпочтения ценностей безопасности и материального благополучия, то есть преобладания так называемых низших ценностей над высшими (по известной «шкале Маслоу»).

Вследствие обнаружения связи между социальной напряженностью и иерархией терминальных ценностей индивида последние стали рассматриваться как индикатор напряженности. Однако при всей надежности самой связи использование ценностей и установок в этом качестве сопряжено с немалыми проблемами. Это и трудоемкость получения массовых данных, и сложность их обработки, и слабая статистическая корреляция с иными признаками напряженности. Ценностный сдвиг как показатель напряженности стоит как бы особняком, и его не просто увязать с другими.

Изменения социальных установок. Восприятие изменений в обществе и его базовых институтах выражено в оценках проводимых политических и экономических реформ и перспектив развития страны. Трансформации в системе социальных установок могут указывать на радикальный сдвиг в представлениях о предпочитаемых направлениях движения общества, будь то в сторону укрепления рыночных механизмов или сохранения жесткого государственного регулирования экономики. Социально-политические установки могут отражать отношение людей к вмешательству государства в частную жизнь и фиксировать ориентацию на государственный патернализм как реакцию на неблагоприятные перемены в жизни. Очевидно, что нарушение функционирования базовых общественных институтов — причем политических даже в большей степени, чем экономических — приводит к смещению оценок: люди начинают рассматривать выбранное направление соци-

ально-экономического и политического развития как неправильное, перестают верить в реформы и обещаемое им «светлое будущее». Соответственно, падает доверие к власти, низко оценивается эффективность ее деятельности. Негативное отношение существенной части населения к экономическим и социально-политическим преобразованиям, сопровождающееся диссоциацией установок (отсутствие единства и согласованности мнений и установок), пессимистичный прогноз дальнейшего развития страны — все это индикаторы напряженности. В ту же группу следует включить и отношение людей к деятельности власти: оценки ее результативности (эффективности) непосредственно зависят от негативных или позитивных социально-политических трендов и потому могут использоваться как индикаторы скрытой напряженности.

Поведенческая готовность. Поведенческие проявления напряженности (от личного опыта участия в акциях протеста до оценок вероятности возникновения беспорядков) — любимые социологами показатели, ибо предполагается, что они непосредственно отражают ее рост или спад в обществе. Однако, с моей точки зрения, они суть не более чем свидетельства близости перехода от скрытой напряженности к явной. Но поскольку всем хорошо известно, что люди любят приврать и реальная готовность выйти на улицы всегда много меньше заявленной, я трактую почти все показатели данной группы (даже утверждения о наличии опыта участия в акциях протеста) как признаки скрытой напряженности.

Индикаторами здесь являются оценки уровня политической активности сограждан, индивидуальная готовность к протесту и опыт участия в соответствующих акциях, а также степень осведомленности о них. К ним примыкают оценки вероятности протестных событий — как сознательно организованных (митинги и забастовки), так и спонтанных (массовые беспорядки, развитие событий по сценарию бунта). Специфика этой группы показателей заключается в том, что в данном случае каждый человек вынужден оценивать свой протестный потенциал исходя из собственного опыта и представлений о том протестном потенциале, который несет в себе возбужденное общество в конкретный момент. Для этого ему необходимо оценить уровень политической активности сограждан и соотнести с ним вероятность развития в обществе спонтанных протестных акций, а также акций осознанных и организованных. На этой основе человек определяет степень собственной готовности к протесту против существующего порядка вещей или происходящих в обществе изменений. При этом сама готовность «выйти на улицу» соотносится им с опытом аналогичного поведения. Все это требует от него гораздо большей ответственности и искренности суждений, чем жалобы на жизнь или отсутствие перспектив и поддержки со стороны близких²³.

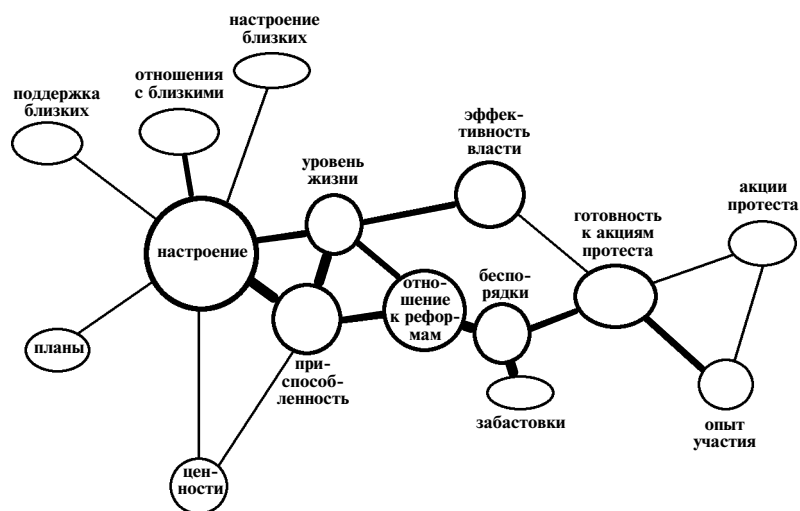
Все выделенные признаки взаимосвязаны и образуют хорошо структурированные группы кластеров²⁴. На рис. 1 представлена обобщенная картина интеркорреляций признаков социальной напряженно-

²³ Вместе с тем для некоторых категорий населения (прежде всего для молодежи) характерно противоположное поведение, выражающееся в неадекватно высокой оценке как вероятности протестов и волнений, так и собственной готовности к участию в них.

²⁴ См. Плюснин 1999: 33—34.

Рисунок 1 Граф взаимосвязей основных показателей напряженности²⁵

²⁵ Построен по материалам полевых исследований, проведенных автором в 1996—2009 гг. Размер овалов (площадь вершин графа), репрезентирующих отдельные показатели, пропорционален количеству значимых связей, расстояние (с обратным значением) и толщина ребер соответствует силе связи.

сти, основанная на данных примерно 4400 выборочных анкетных опросов населения. При всей тесноте связей можно видеть вполне определенный континуум, состоящий из нескольких кластеров, последовательно связанных между собой.

Кластер индивидуальных реакций, ценностей и социальных связей через показатели уровня жизни и приспособленности соединен с одним большим или двумя смыкающимися кластерами, охватывающими социальные установки, и через эти последние — с поведенческими индикаторами напряженности. Выделяются два центральных признака, отраженные в индикаторах оценки собственного эмоционального состояния (настроение) и направленности реформ. Вместе с четырьмя другими — приспособленности, уровня жизни, вероятности беспорядков и готовности к участию в них — они составляют шесть главных показателей с наибольшим числом корреляций и высокой их теснотой. По сути, они соединены между собой последовательно, и показатели индивидуального состояния человека не коррелируют с показателями вероятного поведения напрямую. Друг с другом они связаны через индикаторы социальных установок.

Самый обширный кластер характеризует собственный статус респондента и представлен семью-восемью показателями. Центром кластера, как и всей совокупности показателей, является внутреннее психоэмоциональное состояние индивида. Последнее связано с показателями, определяющими как статус человека во внешнем мире (чувство приспособленности, уровень жизни и степень сплоченности близкого

окружения), так и его мировоззренческие и поведенческие установки. Важно отметить, что душевное состояние связано с ценностным сдвигом и изменением социальных установок, но не с представлениями о направленности преобразований в обществе и отношением к институту власти. Так же обстоит дело и с поведенческими признаками: эмоциональный статус человека (настроение) прямо влияет на его готовность к протестной активности, но не связан ни с опытом таковой, ни тем более с ожиданиями беспорядков, митингов и забастовок.

Второй кластер (или два смежных, тесно коррелирующих между собой) объединяет показатели, характеризующие социально-политические и социально-экономические установки, эффективность института власти и потенциал активности, направленной на нормализацию общественной жизни, в которой достигнут критический уровень скрытой социальной напряженности и возникла угроза ее перехода в явную. Здесь центром кластера выступают три показателя: оценка направленности реформ, оценка вероятности беспорядков и готовность к участию в акциях протеста.

Весьма примечательна (разумеется, исключительно с исследовательской точки зрения) связка нескольких показателей: оценки реформ в купе с эффективностью института власти, с одной стороны, и готовность к акциям протеста, с другой, соединены через уровень политической активности в обществе и вероятность возникновения беспорядков, а не через эмоциональное напряжение, испытываемое людьми. Причем речь идет о положительной обратной связи: неблагоприятным изменениям в ближайшем окружении человека и его эмоциональном и социальном статусе сопутствуют негативные оценки им социально-политических и экономических преобразований и института власти в целом, способствующие повышению его политической активности, что, в свою очередь, вначале влечет за собой угрозу общественных беспорядков, завершаясь более осмысленной готовностью к целенаправленным акциям протеста (очевидно, что в приводимой схеме развитие процесса следует описывать слева направо — и никак иначе). Такая структурная связь прекрасно иллюстрирует известное положение (эмпирически обоснованное в том числе Зиманом с коллегами²⁶), согласно которому социальные нарушения начинаются с нарастания психоэмоционального стресса у членов сообщества. Само по себе снижение уровня жизни или даже чувство неприспособленности к изменившимся условиям могут и не сопровождаться эмоциональным стрессом, если человек, например, воспринимает возникшие трудности как неизбежные и преодолимые издержки строительства «светлого будущего». А негативные оценки власти и проводимых ею реформ не порождают деструктивного поведения, не будучи подкреплены эмоциональным напряжением.

Посмотрим теперь на ситуацию с социальной напряженностью в России в практической плоскости. Достаточно регулярные — почти в режиме мониторинга — исследования напряженности в отдельных

²⁶ См. Zeeman et al. 1976.

социально-профессиональных и территориально-селитебных группах, проводимые мною с первой половины 1990-х годов, позволили получить динамические ряды почти для всех обсуждавшихся выше показателей. Помимо описания самой динамики напряженности мне кажется важным затронуть вопрос о ее носителях, то есть о тех группах, активность которых в наибольшей степени может способствовать развитию деструктивных процессов в обществе.

Динамика уровня напряженности в России в 1990-е и 2000-е годы

²⁷ Данные за 1990-е годы см. Плюснин 2000: 39—71; данные за 2000-е см. Плюснин, Кордонский, Скалон 2009: 31—76.

²⁸ В годы, когда опросы населения проводились не только в малых городах и сельских поселениях, но и в Новосибирске (1996, 1998 и 1999), уровень социальной напряженности в последнем всегда был существенно выше.

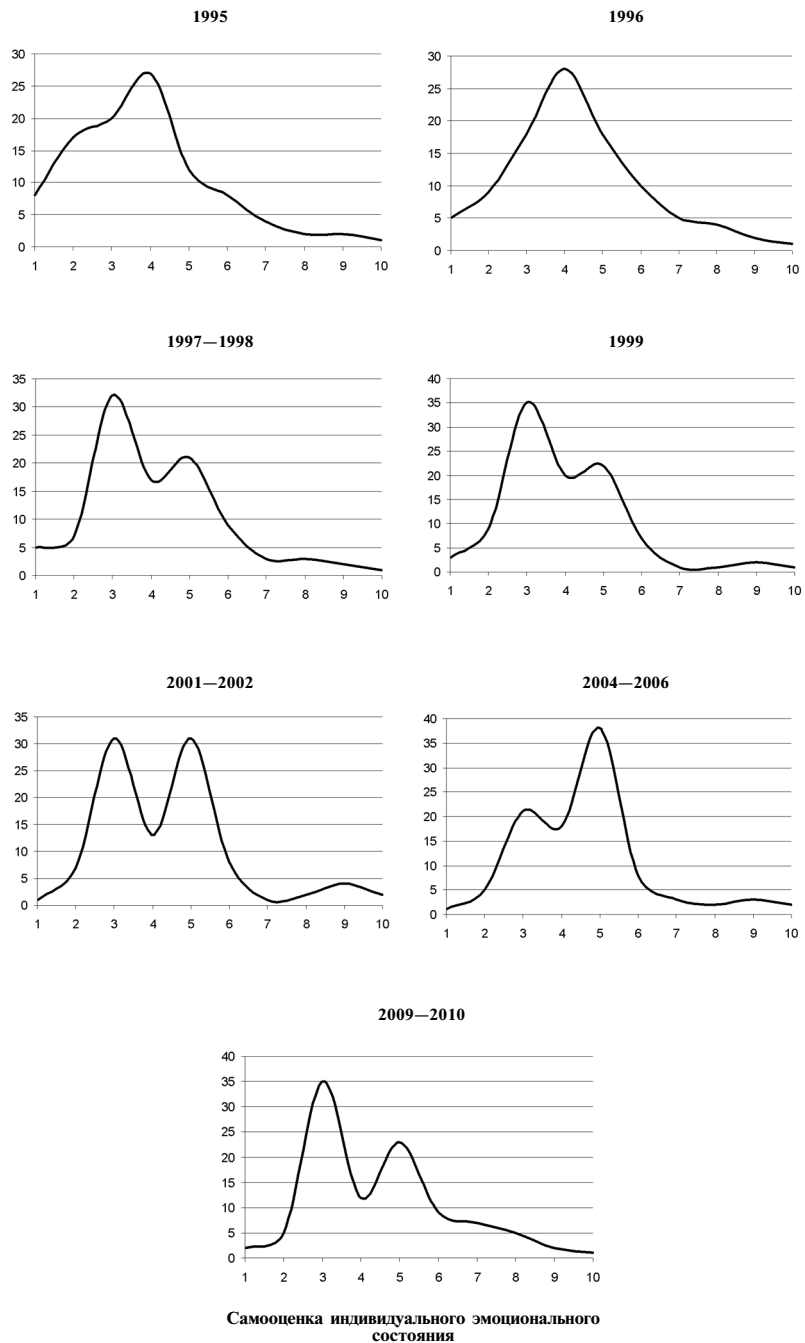
Несмотря на то что данные по динамике скрытой социальной напряженности уже представлены в нескольких моих публикациях²⁷, я приведу ряд иллюстраций, характеризующих состояние российского общества за 15—20-летний период. Специально оговорюсь, что речь идет преимущественно о провинциальном населении, жители крупных городов обычно выпадали из поля моего зрения. От этого, однако, суть дела не меняется; мало того, поскольку стабильность и рутинизированность быта, равно как и социальная защищенность людей (за счет развитых соседских и родственных связей), в провинции выше, чем в крупных городах, а ритм жизни более размерен и замедлен, то напряженность там должна быть заведомо ниже. И если мы наблюдаем здесь предельно высокие значения, это значит, что в крупных городах ситуация вовсе вышла из-под контроля²⁸.

Все описываемые ниже индикаторы, за единственным исключением, фиксируют быстрый рост напряженности в 1990-е годы и ее сохранение на высоком уровне в течение 2000-х годов или незначительное понижение к концу прошлого десятилетия. Из полутора-двух десятков индикаторов я выбрал для иллюстрации восемь наиболее важных, хотя и не самых динамичных. Среди них — повседневное настроение людей как отражение психоэмоционального стресса, оценка жизненных перспектив (жизненные планы), ценностный сдвиг, степень адаптированности к изменившимся условиям существования, уровень жизни, отношение к происходящим в обществе реформам, готовность к участию в акциях протеста и социальная разобщенность.

Настроение. Повседневное настроение (степень душевного покоя) — крайне лабильный индикатор скрытой социальной напряженности. Во все годы наблюдений оценки людьми своего душевного состояния весьма сильно реагировали на внешние изменения, недостатка в которых, как мы все хорошо помним, не было.

На рис. 2 представлена серия графиков, характеризующих динамику настроения людей в период с 1995 по 2010 г. На оси абсцисс отражена шкала настроения в условных единицах от 1 до 10, которым присваивались следующие наименования: страх и апатия — тоска, безысходность — тревога, раздражение — напряжение, неуверенность в завтрашнем дне — нормальное, удовлетворительное настроение — спокойное, ровное — бодрое — приподнятое, дружелюбное — уверен-

Рисунок 2 Повседневное настроение

ное, деловое, активное — превосходное, оптимистичное (респондент должен был отметить на шкале точку между полюсами «страх и апатия» и «оптимизм»). На оси ординат — доля респондентов (в процентах), выбравших из предложенного списка то описание, которое соответствовало их обычному настроению в обозримое время (несколько последних недель или месяцев). Предполагается, что в стабильной ситуации распределение настроения должно быть близким к нормальному со средними значениями 5–6 (у большинства людей ровное и спокойное настроение). Смещение распределения вправо свидетельствует об увеличенной доле людей с повышенным уровнем настроения, смещение влево — об увеличенной доле людей со сниженным уровнем настроения. Сразу же отмечу, что все зарегистрированные годовые наблюдения смещены влево от гипотетической нормальной кривой²⁹, то есть распределения в случае стабильной социальной ситуации.

²⁹ К сожалению, у меня не было возможности замерить настроение людей, длительное время живущих в стабильных условиях. Впрочем, когда не стоит вопрос об «испорченном настроении», подобные замеры, похоже, и не проводятся (Тощенко, Харченко 1996: 193–195).

³⁰ Не следует забывать, что в провинции, в отличие от столиц, взгляд на «перестройку и гласность» был в целом отчужденным, хотя именно 1980-е годы были наиболее благоприятным временем для сельских жителей, то есть почти для половины населения страны.

³¹ Об экономической и социальной динамике в России см., в частности, Доклад 2010.

На первом графике (1995 г.) мы видим плавное смещение кривой распределения влево с накоплением частот негативных настроений; такое впечатление, будто общество всем миром равномерно сдвинулось в направлении большей тревоги и неуверенности³⁰. На следующем графике (1996 г.) появляются частотные деформации, которые в дальнейшем, на протяжении всех 15 лет, только усиливаются. Это нарушение плавности распределений, образование провалов и двух вершин я интерпретирую как признак широкого распространения психоэмоционального стресса и превращения его в хронический. Поскольку люди разнокачественно реагируют на стрессовые воздействия, в до того однородной популяции начинается расщепление на тех, кто сохраняет острую стресс-реакцию (и все еще способен преодолевать последствия таких воздействий), и тех (их становится немало), кто переходит в стадию хронического стресса, которая не только затрудняет успешную адаптацию к изменившейся среде, но и создает предпосылки для обострения болезни и возникновения новых психологических расстройств.

На графиках 1996–1999 гг. отчетливо видно резкое смещение в сторону негативного настроения. Хорошо известно, что вторая половина 1990-х годов проходила под знаком усиления кризисных процессов в обществе, и к 2000 г. мы достигли «дна пропасти». И это самым явным образом сказывалось на настроениях простых людей.

С первого года нового тысячелетия ситуация начинает выправляться. Упрочивается общественно-политическая стабильность, экономический рост способствует существенному повышению благосостояния всего населения³¹, что отражается на настроениях в обществе: распределения смещаются вправо. При этом двухвершинность распределений только усиливается, как бы обозначая отрыв тех, кто возвращается к нормальному душевному состоянию, от тех, кто, несмотря на все улучшения, продолжает оставаться в тягостном настроении. К середине десятилетия (2005 г.) уже заметна обнадеживающая динамика. Но кризис 2008–2009 гг. вновь отбрасывает самоощущение людей к состоянию 1998 г.

Изменилось ли что-нибудь за прошедшее с 2010 г. время? К сожалению, у меня нет достаточных данных за последние два года, хотя по результатам других исследований складывается ощущение, что настроение общества быстро смещается вправо, к «горизонтам оптимизма и благодушия». Вместе с тем любое нарушение порядка жизни тут же вернет настроения людей назад — к тревоге, страху, тоске и апатии.

Жизненные планы. Не менее выразительным индикатором скрытой социальной напряженности является планирование человеком своей трудовой и личной жизни. Однако это более инерционный показатель, чем повседневное настроение людей. На *рис. 3* приведен набор эмпирически полученных кривых распределений сроков планирования жизни, сгруппированных по годам от 1995 до 2009—2010. На первом графике представлена кривая распределения сроков планирования для периода относительной социальной стабильности (вторая половина 1980-х годов), но получена она путем экспертных опросов и задним числом. В известном смысле это идеальная форма распределения планирования частной жизни простого советского человека, как ее видели местные эксперты из временной позиции, удаленной от 1980-х на 2—10 лет.

Интервалы частотных распределений неоднородны и не равны. По краям кривых отложены доли людей, которые либо вообще отказываются от планирования своей жизни или довольствуются интервалом менее месяца (это условные нулевые значения сроков планирования), либо утверждают, что планируют свою жизнь более чем на десятилетие. Между этими двумя крайними значениями распределяются ответы о сроках планирования — от крайне коротких (месяц, полгода и год) до нормальных и продолжительных (2—3, 3—5 и 5—10 лет). Конечно, кривая, построенная на таких интервалах, в принципе не может быть нормальной или аппроксимироваться какой-либо гладкой функцией. Это неоднородное распределение уже потому, что включает неаддитивные представления людей о времени и о своем будущем. Тем не менее естественно ожидать, что в стабильных условиях средний человек не может не иметь планов на будущее и, строя таковые, обычно ориентируется на срок в два-три года или чуть больше³². Это мнение и отражает экспертный график в верхней части рисунка. Когда же условия существования перестают быть стабильными, человек, утрачивающий уверенность в своем будущем, начинает сокращать и сроки его планирования, в предельном случае просто отказываясь от любого планирования. Отказ от жизненных планов, на мой взгляд, предельно выразительный индикатор социальной напряженности.

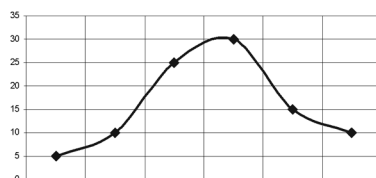
Рассматривая в целом похожие распределения в 1997—2006 гг., мы видим прежде всего волну с вздыбившимся «гребнем» на левом краю (все более значительная доля людей перестает планировать свою жизнь) и нарастанием высоты «складки» на интервале «не далее чем на год вперед». На остальных интервалах — провал. Во второй половине 1990-х

³² *Time* 2010.

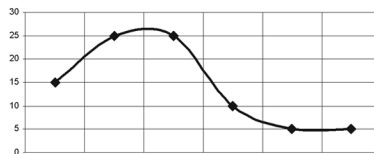
Рисунок 3 Жизненные планы³³

³³ На оси абсцисс отражено распределение ответов о сроках планирования личной и трудовой жизни (не планирую вовсе; от месяца до трех недель; от месяца до полугода; до года; 1—2 года; 2—5 лет; 5—10 лет и более); на оси ординат — частота ответов в процентах.

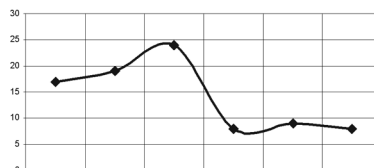
Ожидаемое распределение в стабильных условиях жизни

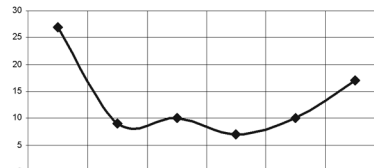
1992—1995

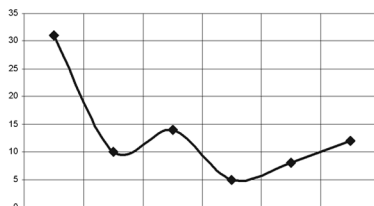
1996

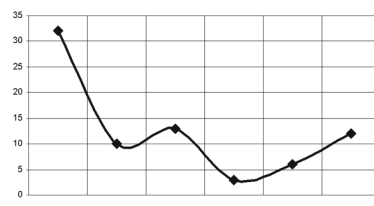
1997—1998

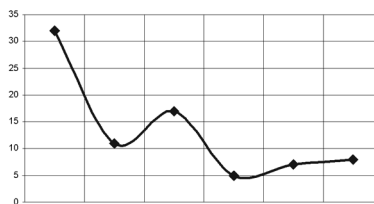
1999

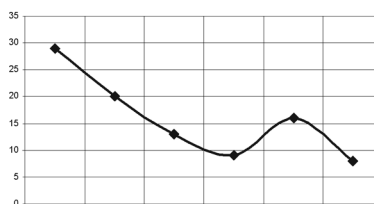
2001—2002

2004—2006

2009—2010

и на рубеже 2000-х годов заметен, правда, относительный рост доли людей, утверждающих, что их жизненные планы превосходят и 5—10-летний период, но такие утверждения тоже суть признак значительного эмоционального напряжения — это фрустрация, реакция на угрозу лишения человека всяких жизненных перспектив. Только к концу прошлого десятилетия «складка» жизненных перспектив стала расправляться, и «волна» принялась перетекать в обратном направлении — вправо, в сторону нормального продолжительного планирования жизни. Завершится ли этот процесс? Не повернет ли «волна» вспять? Пока сказать трудно.

Ценностный сдвиг — один из самых популярных среди социологов признак нарушения общественного порядка, о котором любят рассуждать, но часто не могут наглядно продемонстрировать. Причина проста: видов и типов ценностей выделяют много, но способы их классификации имеют неясные основания, что влечет за собой неустойчивость классификационных схем³⁴.

³⁴ Лапин и др. 1996; Дубов (ред.) 1997.

Эта техническая проблема не снижает, однако, актуальности исследования корпуса ценностей, разделяемых большинством общества; более того, ценностный сдвиг осознается как основание всех социокультурных сдвигов в обществе, и, следовательно, изменения в мировоззрении выступают важнейшим критерием направленности процесса трансформации общества.

В ходе изучения ценностного сдвига я опирался на методику, разработанную путем модификации списка терминальных ценностей М.Рокича³⁵ в рамках концепции иерархии потребностей Маслоу³⁶. Модификация заключалась в распределении ценностей по пяти группам: 1) ценности «органического ряда»: простая жизнь, жизнь в удовольствии, материальное благополучие; 2) ценности безопасности: здоровье, жизнь, физическая безопасность; 3) ценности социальных связей: семья, любовь, друзья, общение; 4) ценности самоутверждения в обществе: работа и активная жизнь, социальное признание, равенство, самостоятельность; 5) ценности самореализации: свобода, творчество, красота, познание, понимание. Это позволило упростить и обобщить анализ структуры ценностных диспозиций больших групп людей. При описании иерархии ценностей я исходил из известного методологического принципа, согласно которому любое ранговое распределение имеет наиболее устойчивые области на своих концах³⁷, поэтому в анализе использовалась структура распределений наиболее значимых для людей ценностей (первой и трех первых как самых важных).

³⁵ Rokeach 1973.

³⁶ Maslow 1954.

³⁷ См., напр. Ядов 1987: 63—65.

Исходной гипотезой для такого обобщения ценностных ориентаций явилась концепция «социальных качелей ценностей», разработанная мною еще в 1994—1995 гг.³⁸ В рамках этой концепции прогнозировалась определенная динамика структуры базовых ценностей людей в условиях социального кризиса. Предполагалось, что вне зависимости от того, пойдет развитие кризиса по восходящей или по нисходящей,

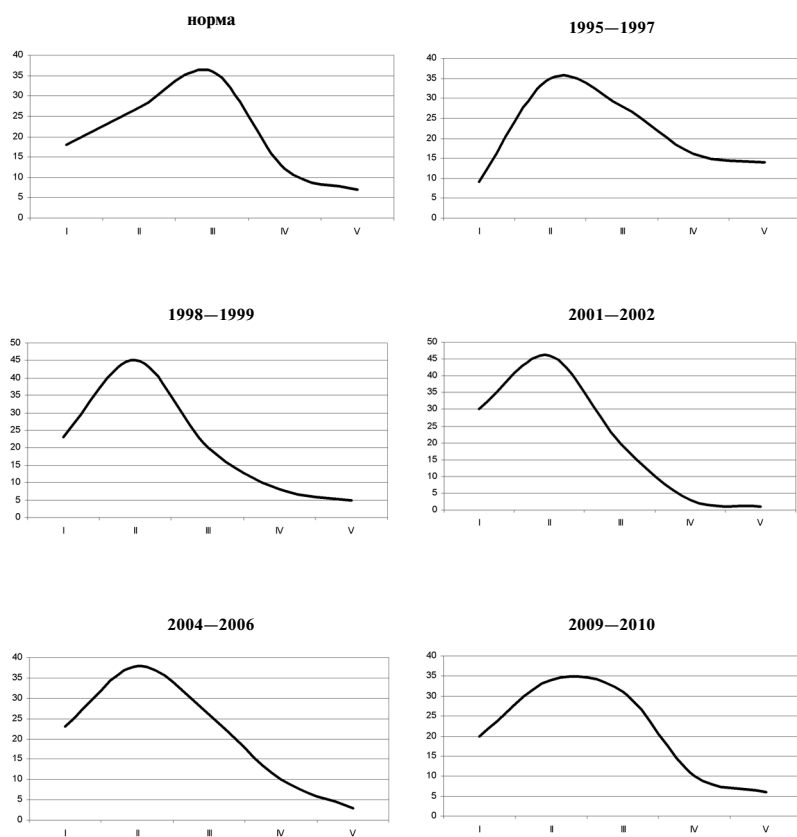
³⁸ Плюснин 1995.

эта динамика будет носить инерционный характер и ценности, приоритетные для большинства населения, продолжат смещаться в сторону «низших», связанных с материальным благополучием и безопасностью.

Прошедшие 20 лет в целом подтвердили гипотезу. Общая направленность ценностного сдвига — ко все большему преобладанию ценностей физической безопасности над всеми остальными при существенном повышении значимости ценностей материального благополучия (см. рис. 4). Если вплоть до первой половины 1990-х годов последним отдавали предпочтение не более 5–6% респондентов, то со второй половины 1990-х и до середины 2000-х доля таковых составляла уже 20–30%. Конечно, этот рост можно было бы объяснить неуклонным снижением жизненного уровня в 1990-е годы. Но как тогда быть с «нулевыми», когда благосостояние людей столь же неуклонно росло, а ценностного сдвига в обратном направлении не происходило?

Рисунок 4 Ценностный сдвиг³⁹

³⁹ На оси абсцисс цифрами I–V обозначены группы терминальных ценностей. На оси ординат отражена частота выбора соответствующих ценностей в процентах.

Но наиболее впечатляющий рост продемонстрировали ценности безопасности. На протяжении многих лет и по сегодняшний день порядка половины, а то и больше россиян придают наивысшее значение ценностям здоровья и физической защищенности. При этом входящая в ту же группу ценность человеческой жизни находится на периферии индивидуальных ценностных предпочтений.

Ценности социальных связей, которые в норме должны были бы занимать одно из главенствующих мест в иерархии, по мере развития кризиса все больше отступали на второй и третий план. Значимость семьи и семейных отношений продолжала сохраняться для мужчин, но парадоксальным образом стремительно падала для женщин. Сокращение почти в два раза важности семейной жизни при одновременном возрастании важности материального благополучия, физической безопасности и сохранения здоровья свидетельствует об очень существенной неблагоприятной трансформации социальных установок людей. Не менее удручающей является и динамика такой базовой ценности, как любовь. Ее значение как ведущей ценности падает почти до нуля как у мужчин, так и у женщин. Любовь уже не «спасет мир», она ушла из сердца простого человека. Люди перестают верить в любовь, хотя все еще верят в друзей и семью. Подобный сдвиг неблагоприятен для общественного развития, но вполне соответствует тем ориентирам, которые предлагают людям современные средства массовой информации.

Еще более негативная, даже катастрофическая динамика наблюдается применительно к ценностям высшего порядка. За годы кризиса значение ценностей самореализации, прежде всего работы, активной и деятельной жизни, сократилось в разы! Конечно, предпочтение высших ценностей — удел немногих, поэтому даже на больших выборках нельзя определенно говорить о статистически значимых тенденциях. Это видно и на графиках, приводимых на *рис. 4*. Тем не менее общий тренд к сокращению значимости высших ценностей в сознании людей не вызывает сомнений. Лишь для 1–3% респондентов высшие ценности имеют определяющее значение. В этом отношении два прошедших десятилетия следовало бы назвать «утробными» — за явно выраженное стремление множества людей жить «ради желудка и кожи».

Только в 2009–2010 гг. наметился какой-то перелом, возникло ощущение, что «качели ценностей», достигнув к середине 2000-х нижней точки, начали медленное движение вверх, туда, где люди не думают о каждодневном выживании. Но оправданно ли это ощущение, говорить еще рано.

Адаптированность к изменившимся условиям. Степень приспособленности к жизни — один из ключевых индикаторов скрытой напряженности, хотя этот показатель не столь чувствителен к внешним воздействиям, как вышеописанные. Он является связующим между оценками людьми своего настроения и их отношением к институту власти и проводимым в стране реформам. В нормальной ситуации подав-

ляющее большинство людей должно чувствовать себя вполне адаптированными не только к социальным обстоятельствам, но также к экономическим и к политическим. Следовательно, оценки качества собственной адаптации и будут меняться в ответ на изменение ситуации.

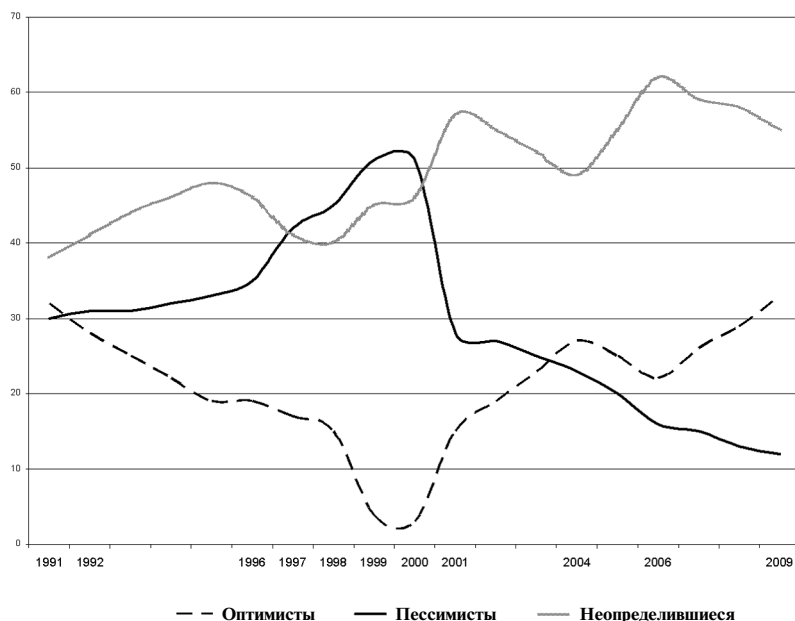
Погодовые распределения оценок обнаруживают вполне характерную динамику с негативным сдвигом приспособленности не в начале или середине, а только в конце 1990-х годов. Если в 1996 г. недостаточно приспособленными чувствовали себя 36% респондентов, а совершенно неприспособленными — всего 4%, то в 1999 г. — 40 и 11% соответственно. Напротив, 2000-е годы демонстрируют постепенное, но весьма существенное увеличение доли тех, кто считает, что хорошо адаптировался к новым условиям (72% в 2009—2010 гг. против 37% в кризисном 1998 г.). Причем смещение распределений в сторону лучшей адаптированности, судя по всему, определяется действием не столько экономических, сколько социальных и политических факторов.

Уровень жизни. Данный показатель тесно связан с показателем приспособленности и почти дублирует его (хотя зависит больше от экономических факторов). Дублируют друг друга и картины частотного распределения оценок уровня жизни и приспособленности. В 1990-е годы соотношение необеспеченных/бедных («с трудом сводим концы с концами», «чувствуем себя почти нищими») и обеспеченных/богатых («живем в достатке», «мы богатые») семей составляло (в процентах) 64 к 3 (в 1996—1998 гг.) или даже 74 к 1 (в 1999 г.). В следующем десятилетии наблюдается медленное, но явное повышение благосостояния семей: в 2001 г. рассматриваемое соотношение составило 60 к 2, в 2004—2006 — 59 к 2, а в 2009—2010 гг. — 53 к 8. И еще один небольшой, но показательный тренд — пятая часть российских семей вышла из «зоны риска», перейдя в категорию среднеобеспеченных⁴⁰.

⁴⁰ Еще раз напомню, что я опираюсь на данные опросов населения малых городов и сел, поэтому оценки уровня жизни здесь несколько смещены в сторону низких значений по сравнению с теми, что характерны для крупных центров (см. *Уровень 2011*).

Отношение к проводимым в обществе реформам. В структуре признаков социальной напряженности оценка направленности реформ занимает центральное положение между кластером психоэмоциональных реакций на нарушение общественного порядка и кластером готовности к действиям по изменению сложившейся ситуации. На рис. 5 показана динамика отношения людей к происходящим (за обозримый на момент опроса период в 2—3 года) преобразованиям. В зависимости от выбранного варианта ответа на вопрос о перспективах развития страны («возрождение и процветание»; «упадок и разрушение»; «неизвестно, куда идет страна») респонденты подразделялись на оптимистов, пессимистов и неопределившихся.

При всей очевидности факта преобладания в 1990-е годы пессимистического взгляда на перспективы социального и экономического развития нашего общества, динамика соответствующих оценок продолжает вызывать тревогу. Бросается в глаза разнонаправленность тенден-

Рисунок 5 Динамика отношения к политическим и социальным реформам

ций изменения социально-политических установок населения страны. Налицо расщепление общества по политическим основаниям.

Если в самом начале реформ до трети россиян приветствовали политические, социальные и экономические преобразования, причем число приверженцев и противников таковых было примерно одинаковым, то в последующие несколько лет в стране возобладали апокалиптические настроения. На протяжении всех 1990-х годов стремительно увеличивалась доля тех, кто осуждал реформы, считая, что они ведут к упадку и разрушению страны. К концу 1999 г. негативно оценивала реформы уже половина населения провинциальной России (51%), а безусловно поддерживали их всего 3%. Затем, где-то после 2001 г., оптимистичные оценки начинали нарастать и к концу 2000-х достигли уровня 30 и более процентов. Одновременно сократилось и число пессимистов. В известном смысле их отрицательная динамика даже более показательна, чем положительная динамика оптимистов: ведь очевидно, что преодолеть сложившееся скептическое мнение очень непросто.

Следует, однако, обратить внимание на неуклонный рост доли неопределившихся. К концу прошлого десятилетия к ним относилось уже почти две трети наших сограждан, и это, безусловно, слишком много. Ведь если большая часть населения страны не может понять, куда же ее ведут и куда она в конце концов придет, это весьма тревожный сиг-

нал. О каких поисках национальной идеи может идти речь и где ее можно найти, если приходится опираться на субстрат с таким перспективным видением? Очевидно, что столь широкое распространение в обществе даже не пессимистического, а неопределенного отношения к его преобразованию создает благоприятную почву для высокой социальной напряженности.

Готовность к участию в акциях протеста. Из группы признаков поведенческой готовности к акциям протеста, представленной пятью индикаторами (оценки вероятности беспорядков и организованных акций протеста, осведомленность о таких акциях, готовность к участию в них и собственный опыт участия), рассмотрим только одну — характеризующую силу мотивации к деструктивному действию, выраженную через готовность участвовать в протестах.

На первый взгляд может показаться, что опыт участия в протестных акциях важнее. Но это не так. Подобный опыт не добавляет хвороста в костер скрытой социальной напряженности. По моим данным, к настоящему времени уже около четверти взрослого населения страны участвовало в разного рода акциях протеста (преимущественно экономической направленности), причем 97% из них, независимо от пола и возраста, готовы в любой момент вновь выйти на улицы. Для этих людей опыт участия является хорошим стимулом к политической активности. Динамика показателя имеет вид логистической кривой с насыщением: если в 1990-е годы доля обладающих опытом участия в протестных акциях быстро росла (с 3—4% в 1992 г. до 20—25% к 1999 г.), то в 2000-е рост прекратился, и мои последние измерения этого показателя в 2009—2010 гг. зафиксировали ту же цифру, что и 10 лет назад, — 25%. Иными словами, прошедшее десятилетие было очень спокойным с точки зрения явных признаков социальной напряженности.

Ситуация с готовностью к участию в протестах несколько иная. В 1992—1993 гг. доля людей, готовых принять участие в акциях массового протеста, как правило, не превышала 20%, к концу 1996 г. о своей готовности выйти на улицы заявляло уже до трети респондентов⁴¹, к 1999 г. — более 40%. На протяжении последующего десятилетия достигнутый уровень протестного потенциала оставался практически неизменным, а затем начал снижаться. В ходе массового опроса конца 2009 — начала 2010 г. лишь около 30% респондентов утверждали, что при определенном развитии событий приняли бы участие в протестных акциях, и только четверть из них выражала безусловную готовность к протестной деятельности⁴².

Выросла в последние годы и доля людей, однозначно неготовых к участию в таких акциях. По моим данным, она увеличилась с примерно половины в начале 2000-х до 58% в 2009—2010 гг.⁴³ Эта хорошая прогнозная оценка пассивной части общества. При изучении напряженности доля тех, кто не будет вовлечен ни в какие формы протеста, почти

⁴¹ Бойков 1998 (данные Информационно-социологического центра Российской академии государственной службы).

⁴² Следует отметить, что регулярные опросы ФОМа фиксируют в полтора-два раза меньший уровень готовности населения к участию в протесте (<http://bd.fom.ru/>).

⁴³ Согласно упомянутым опросам ФОМа, к первой трети 2013 г. она достигла 77% против 66% в 2010 г.

всегда составляет от 1/2 до 2/3 от общей численности населения. Вместе же с теми, кто колеблется, но скорее не склонен включаться в протест, пассивная часть общества — это почти 3/4.

Наблюдаемые высокие уровни поведенческой готовности людей к протестной активности — в большей степени установка, нежели реальная готовность. Это свидетельство раздраженности, эмоционального стресса, который проявляется в соответствующих высказываниях. Только предшествующий опыт участия в забастовках, митингах, демонстрациях совершенно определенно влияет на готовность человека принять участие в аналогичных акциях. А обладает таковым, повторю, как раз та самая 1/4 (25%).

Разобщенность. Социальная разобщенность — единственный показатель скрытой напряженности, где динамики нет вообще. На протяжении всех 20 лет наблюдений респонденты единодушно сообщают, что отношения между людьми остаются позитивными и добрыми, разобщенность и конфликты отсутствуют, местное сообщество не расщеплено на враждующие группировки. В большинстве своем люди ощущают постоянную поддержку со стороны близких, и не только душевную, но и материальную. Именно поэтому большинство респондентов не испытывает чувства одиночества, которое нередко способствует развитию эмоционального напряжения.

Как уже говорилось, в факторной «теории бунта» Зимана с коллегами выделяются два независимых фактора, определяющие вероятность возникновения беспорядков — напряженность как необходимое условие и разобщенность как пусковой механизм. Если признать эту теорию правдоподобной (что разумно, поскольку она продемонстрировала свою прогностическую эффективность), то устойчиво низкий уровень разобщенности имеет принципиальное значение с точки зрения развития напряженности в российском обществе. Примечательно, что за время моих исследований местных сообществ даже в случае выраженной индивидуальной напряженности там не складывались условия для перехода скрытой напряженности в открытую (бунты и беспорядки), хотя и в 1990-е, и даже в 2000-е годы почти все политологи и социологи считали реальным именно такой поворот событий. И дело здесь, видимо, в сплоченности местных сообществ. По сути, в провинциальном российском обществе разобщенность на местном уровне совершенно отсутствует. А если так и если именно от разобщенности зависит спонтанное развитие нестабильности, то можно с достаточной уверенностью утверждать, что вероятность спонтанных беспорядков, бунтов была все эти годы и остается низкой — по крайней мере на обширном пространстве провинциальной России. Для того чтобы ситуация вышла из-под контроля, нужна разобщенность, причем на уровне небольших местных сообществ, а не региональных единиц. Протестные выступления в столицах ничего не решают, пока «трава и корни» не тронуты «ветром перемен».

Именно поэтому все годы наблюдения ситуации в стране я продолжал повторять: несмотря на рост индивидуальной напряженности, несмотря на весьма значительный ценностный сдвиг, несмотря на предельный скепсис и неприятие реформ, а также высокую готовность людей к спонтанным и организованным протестным акциям, существенные угрозы целостности общества отсутствуют, поскольку сохраняется солидарность на локальном уровне и нет признаков разобщенности в самых глубинах нашего общества.

Носители напряженности

Перейдем теперь к сравнительно узкому, но трудному для интерпретации вопросу о носителях социальной напряженности. Какой интенсивности напряжение от деформаций и нарушений в «социальном теле» испытывают конкретные его элементы? Одинаково ли проявляется напряжение у разных категорий населения? От каких групп следует ждать более высокой готовности к протестам? На первый взгляд такие вопросы могут показаться не очень корректными, но если мы вспомним историю наиболее известных (полнее всего описанных) общественных потрясений, то сомнения развеются. Еще старые авторы в яркой (пусть даже и не всегда достоверной) форме описывали различия в участии отдельных социальных групп в государственном и общественном переустройстве. В более близкие к нам времена к этой проблеме обращался (хотя и между прочим) П. Кропоткин⁴⁴. В интереснейшем ракурсе, на мой взгляд, рассмотрел ее К. Малапарте, анализируя технику государственного переворота в России⁴⁵. (Я не стану упоминать здесь относящиеся к делу тексты многочисленных революционеров и террористов, включая и безусловного классика Л. Троцкого, хотя бы потому, что смотрели они на этот процесс далеко не под социологическим углом зрения.) То, что разные группы имеют разный потенциал напряженности и разные возможности его реализации в соответствующих актах, показывают и мои исследования.

⁴⁴ Кропоткин 1979.

⁴⁵ Малапарте 1998.

Конечно, на стадии скрытой напряженности трудно судить о характере участия в протестах тех или иных категорий населения. Речь может идти лишь о потенциале, разном для разных групп. Вместе с тем, отталкиваясь от эмпирических данных, фиксирующих настроения и намерения представителей разных демографических, территориальных и социально-профессиональных групп, и используя статистический анализ, можно попробовать ответить на вопрос, кто является наиболее вероятным источником беспокойства для государства, защищающего устоявшийся порядок, а кого рассматривать в таком качестве бессознательно.

Значение опыта участия в акциях протеста. Наиболее разительны различия в степени эмоционального напряжения и мотивации к его «излиянию» в протестных действиях между людьми с опытом участия в подобных акциях и теми, кто его еще не приобрел. Эти категории

отличаются друг от друга и по своим социально-демографическим и профессиональным характеристикам. «Опытные» обычно на 5—10 лет старше, среди них преобладают мужчины и люди семейные. Выше доля квалифицированных специалистов, ниже — малоквалифицированных работников. Большая часть обладающих опытом участия в забастовках и митингах занята в сферах материального производства и социального воспроизводства, существенно меньшая — в сфере услуг и частном бизнесе. Таков самый грубый социальный портрет людей с опытом протестной активности.

«Опытные» респонденты отдают предпочтение заранее спланированным массовым выступлениям, видя в них верное средство стабилизации ситуации в обществе. Вместе с тем значительная доля (более половины) «опытных» полагает, что этой цели в равной мере могут способствовать и стихийные массовые выступления (беспорядки). Убежденность этих людей в том, что любые проблемы можно решить с помощью манифестаций и забастовок, возможно, объясняется снижением порога фрустрации, вызванным сильным эмоциональным напряжением. И действительно, степень стрессированности «опытных» много выше (почти вдвое), чем «неопытных», а среди оценок ими своего повседневного настроения преобладают «тревога», «страх», «апатия», «раздраженность», «неуверенность в завтрашнем дне».

Почти все люди с опытом участия в акциях протеста приобрели его на своих предприятиях и в учреждениях, а отнюдь не вследствие принадлежности к какой-либо общественно-политической организации или одобрения ее установок. Иными словами, почти все они исходили из экономических интересов и не преследовали никаких политических целей.

Показатель поведенческой готовности к участию в акциях протеста среди «опытных» более чем в пять раз выше, чем среди «неопытных»: именно во столько раз будущее участие в митингах и забастовках человека с опытом вероятнее участия в них того, у кого этого опыта нет. Вместе с тем, несмотря на такие различия в мотивации, прогнозные оценки возникновения забастовок и беспорядков у тех и других практически одинаковы.

Основываясь на этих наблюдениях, можно предположить, что мотивация к участию в протестном движении во многом определяется высоким эмоциональным напряжением и относительно низким порогом фрустрации. Накладываясь на ряд внешних обстоятельств (нестабильность профессионального статуса в силу снижения потребности в специалистах высокой квалификации, угроза потери работы и падения благосостояния семьи и т.п.), эти психологические предпосылки, по видимому, и заставляют людей предпринимать действия, способные, по их мнению, исправить и обстоятельства их частной жизни. В конце концов, эти люди настолько напряжены, фрустрированы, что просто не могут не присоединиться к митингующим, чтобы хоть как-то снять напряжение. То, что при этом они оказываются участниками и полити-

ческих акций, есть следствие вынужденного поведения, а вовсе не заранее продуманного и осознанного выбора.

Значение пола, возраста и профессиональной деятельности.

Принято считать, что пенсионеры представляют собой весьма активную социальную группу, и не только в электоральном плане, но и с точки зрения консолидации для защиты своих интересов. Это мнение особенно окрепло после «монетизационных» протестов 2005 г. Однако, по моим данным, реальный протестный потенциал пенсионеров весьма ограничен: для них не характерны ни повышенный уровень напряженности (хотя оценки своего повседневного настроения с возрастом ухудшаются, а чувство приспособленности к жизни снижается), ни готовность к участию в акциях протеста, ни наличие соответствующего опыта. Да, они обычно негативно оценивают эффективность власти и отрицают позитивную направленность реформ, но больше оттого, что их социально-экономические и политические установки связаны с прежним опытом социальной стабильности. Их ближнее социальное окружение образует надежный защитный пояс и в материальном, и в психологическом отношении. Многие из них не чувствуют себя одиночками. И их обеспеченность не ниже, чем у людей трудоспособного возраста. Более того, благодаря пенсиям и льготам пенсионеры в сельской местности нередко оказываются в числе самых обеспеченных (прослеживается любопытная корреляция: в провинции потребность в материальной поддержке с возрастом уменьшается). Протестный потенциал пенсионеров всегда направлен на защиту интересов исключительно своей группы, а потому угрозы для общественной стабильности, сколь бы низкой она ни была, не представляет. Довольно многие пенсионеры направляют свою активность не на протесты, а на созидательную работу в общественных организациях, волонтерскую деятельность. Им есть куда приложить еще не израсходованные силы — лишь бы не затрагивались интересы их группы.

Не подтвердилось и представление о высокой протестной активности молодежи, прежде всего студентов. Казалось бы, ответственности никакой и ни перед кем, статуса еще нет и терять почти нечего — а боязливее всех. Вместе с тем возраст заставляет быть наглым. Поэтому в случае перерастания скрытой напряженности в протестные акции следует ожидать от молодежи подключения к манифестациям и беспорядкам. Но это участие «за компанию», в качестве «хвороста», горячего материала для социального взрыва, а отнюдь не «запала». Они не зачинщики. Об этом свидетельствуют и показатели скрытой напряженности: в молодежной, в том числе студенческой, среде они много ниже, чем в других группах населения. Только каждый десятый студент утверждает, что принимал участие в протестных акциях. При всей свойственной юности склонности к бахвальству, молодежь проявляет даже меньшую поведенческую готовность к участию в забастовках и демонстрациях, чем представители некоторых других возрастных групп. Хотя, несом-

ненно, на словах они всегда готовы принять участие в любых акциях. Возможно, поэтому их ожидания возникновения организованных акций протеста и особенно беспорядков одни из самых высоких.

Таким образом, неверно считать, что уровень напряженности в студенческой среде высок: напротив, он сравнительно низок. Однако ясно, что студенческая среда наиболее подвижна и восприимчива, скорость распространения активности в ней очень велика и потому потенциал развития напряженности здесь априори значителен. Это горячая среда. Молодежь ждет потрясений, боясь их, но и скорее других выступит одним из основных субстратов эскалации беспорядков в случае их возникновения. С гораздо меньшей вероятностью молодые люди будут принимать участие в организованных экономических акциях.

Более высокий уровень напряженности демонстрируют люди относительно зрелого возраста, занятые в промышленности, строительстве, на транспорте, в сфере услуг, образовании и здравоохранении, и именно от них надо ждать организованных массовых акций протеста, которые легко переходят от экономических требований к политическим. В этой большой и разнородной совокупности лиц с высоким уровнем напряженности особенного внимания заслуживают две группы, существенно различающиеся по социальным установкам.

Первую группу образуют преимущественно женщины, замужние, среднего и старшего возраста, с высоким уровнем образования, бюджетники. Специфика группы в том, что это общественно активные люди, с гражданской позицией, но неудовлетворенные существующим положением дел, их семьи испытывают некоторую материальную нужду, а сами они не чувствуют себя хорошо приспособленными к жизни и, что важно, находятся в состоянии значительного психоэмоционального напряжения. И хотя они не видят объективных условий для возникновения волнений и беспорядков и не имеют ни опыта, ни желания участвовать в акциях протеста, это, на мой взгляд, как раз та группа, которая может явиться «спусковым крючком» спонтанных общественных выступлений. Сбрасывать со счетов роль данной половозрастной и социально-профессиональной категории нельзя, тем более помня яркие примеры из истории⁴⁶, — это и «лакмусовая бумажка» скрытой напряженности, и основной ее источник, тот самый «запал». Думаю, в целях сохранения общественного порядка необходим внимательный мониторинг состояния именно этой группы, а никак не молодежи или пенсионеров.

Вторая группа во многих отношениях полярна первой. Это по преимуществу мужчины самого разного возраста, не всегда семейные, далеко не всегда с высоким образованием, занятые в самых разных сферах общественного производства. Существенно то, что это квалифицированные работники и специалисты. Помимо гражданской активности, готовности защищать собственные права и уверенности в своей способности влиять на жизнь местного сообщества, их отличает очень высокая поведенческая готовность к акциям протеста, наличие опыта участия

⁴⁶ Достаточно сослаться на уже упомянутые исследования революций — французской (Кропоткин 1979) и русской (Малапарте 1998).

в таковых, а также убежденность в вероятности возникновения протестных событий. Они негативно и пессимистически смотрят на проводимые властью реформы, но не испытывают психологической напряженности, чувствуют себя достаточно адаптированными к нынешним условиям и до некоторой степени являются идеалистами. Такое сочетание качеств и общественно-политических установок заставляет рассматривать людей этой категории в качестве главного «преобразователя» скрытой напряженности в явную. В случае общественных волнений представители этой группы станут ключевой силой, «хребтом революции», от них будет исходить основная активность. С моей точки зрения, это и есть реальные и наиболее опасные носители напряженности.

На ком держится общественный порядок? Помимо групп с различным потенциалом деструктивной активности имеется и группа, потенциал которой направлен на поддержание общественной стабильности. Предположительно, эта группа довольно многочисленна. В нее входят сравнительно молодые (но не юные) мужчины и женщины со средним специальным и высшим образованием, занятые преимущественно в сфере нематериального производства. Уровень жизни их семей достаточно высок, душевное состояние в норме. Точно так же они оценивают и повседневное настроение своих близких. Это вполне адаптированные люди с относительно далеким горизонтом планирования, не испытывающие серьезных жизненных затруднений, позитивно оценивающие проводимые реформы и перспективы развития страны, удовлетворенные деятельностью власти, даже местной, и полагающие, что вероятность общественных волнений, тем более беспорядков, очень невелика. Важный признак: это люди общественно активные, участвующие в деятельности различных общественных организаций и уверенные в своей ответственности за положение дел в местном сообществе. Они считают себя безусловно готовыми выступить в защиту прав и свобод, если потребуется, но при этом не имеют никакого опыта участия в митингах и забастовках — как, впрочем, и намерения его приобрести.

Другими словами, это довольно большая группа людей, принадлежащих к разным слоям населения и объединенных только возрастом, уровнем образования и сферой приложения сил, которые образуют позитивное ядро общества с точки зрения развития скрытой напряженности. Это те, от кого зависит поддержание общественного порядка, при том что они намерены защищать свои права и интересы. То есть, это представители граждански активного населения с установкой на поддержку существующей власти и проводимых ею реформ. Будучи лишены мотивации к деструктивной социальной активности, они ориентированы на новую жизнь и готовы строить ее из того материала, что есть под руками, жестко отвергая лишь путь, основанный на принципе «...разрушим до основания, а затем...».

Таким образом, из пяти выявленных групп активность четырех ведет к нарастанию напряженности и только одной — к ее снижению. Представители двух групп несут в себе высокий потенциал напряженности и способны перевести ее в открытую форму, однако власть игнорирует угрозу с их стороны. Представители двух других (молодежь и пенсионеры) обладают низким потенциалом напряженности, но власть внимательно следит за состоянием этих групп, ожидая от них «запуска» общественных потрясений. И при этом она не ищет опоры в деятельности позитивно ориентированных людей. Иначе говоря, институт, призванный блюсти общественный порядок и тушить очаги социальных волнений, прилагает усилия не к тому и не там, оставляя без пригляда самых опасных носителей напряженности. Рассеяно внимание или сбит прицел? Впрочем, просматривается и третий ответ⁴⁷.

⁴⁷ См. Агамбен 2011: 7—53, 115—134.

* * *

Скрытая напряженность, составляющая необходимую основу для перехода общества из стабильного состояния в возбужденное, в результате которого возникают структурные и функциональные нарушения, способные привести к перевороту, по сей день выпадает из поля зрения что практиков, что ученых. А ведь чтобы предсказать момент вскрытия чирья, надо видеть все стадии покраснения и набухания кожи. Только так можно предупредить первое и подавить второе.

За 20 лет нестабильного развития страны наше общество побывало и в состоянии предельно высокой напряженности, чреватой внезапным перерастанием в бунт, и в состоянии видимой умиротворенности, когда казалось, что дело пошло на лад и снова приближается светлое будущее. Но те, кто держал руку на пульсе, чувствовали, что скрытая напряженность не спадала все эти годы. Как не спадает она и теперь. Однако в последнее время либо надоело держать руку на пульсе, либо он труднее прощупывается. Может быть, потому, что после столичных событий 2011—2012 гг. к проблеме напряженности обратились многие и тотчас перевели ее в бесплодное русло досужей публичной дискуссии, не оставив места научному наблюдению и анализу. Между тем столичные протесты и призрак бунта — это лишь пух созревших одуванчиков. Трава и корни не колыхнулись.

Библиография

- Агамбен Д. 2011. *Ното sacer: Чрезвычайное положение*. — М.
- Бетгельхейм Б. 1992. Просвещенное сердце: Исследование психологических последствий существования в экстремальных условиях страха и террора // *Человек*. № 5.
- Бойков В.Э. 1998. Бумеранг социального самочувствия // *Социс*. № 1.
- Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2010. *Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее*. 2010. — М.

- Дубов И.Г.** (ред.) 1997. *Ментальность россиян: Специфика сознания больших групп населения России*. — М.
- Кордонский С.Г.** и др. 2011. Российская провинция и ее обитатели: опыт наблюдения и попытка описания // *Мир России*. № 1.
- Кропоткин П.А.** 1979. *Великая французская революция 1789—1793*. — М.
- Лапин Н.И.** и др. 1996. *Динамика ценностей населения реформируемой России*. — М.
- Лебон Г.** 1995. Психология толпы. Чувства и нравственность толпы // Лебон Г. *Психология народов и масс*. — СПб.
- Левин К.** 2000. *Разрешение социальных конфликтов*. Ч. 1. — СПб.
- Леутин В.П., Николаева Е.И.** 1988. *Психофизиологические механизмы адаптации и функциональная асимметрия мозга*. — Новосибирск.
- Малапарте К.** 1998. *Техника государственного переворота*. — М.
- Плюснин Ю.М.** 1995. Два полюса ценностного развития личности // *Гуманитарные науки в Сибири*. № 2.
- Плюснин Ю.М.** 1998. Скрытая социальная напряженность: Новосибирск, весна 1998 г. // *Проблемы социальных технологий*. Вып. 4. — Новосибирск.
- Плюснин Ю.М.** 1999. *Безработица и скрытая социальная напряженность в Новосибирске*. — Новосибирск.
- Плюснин Ю.М.** 2000. *Малые города России: Социально-экономическое поведение домохозяйств, ценностные установки и психологическое состояние населения в 1999 г.* — М.
- Плюснин Ю.М.** и др. 1999. В каком направлении изменяются базовые ценности в современном российском обществе? // *Гуманитарные науки в Сибири*. № 1.
- Плюснин Ю.М., Кордонский С.Г., Скалон В.А.** 2009. *Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования*. — М.
- Постон Т., Стюарт И.** 1980. *Теория катастроф и ее приложения*. — М.
- Пошевнев Г.С., Костюк В.Г., Еремин С.Н.** 1996. *Напряженность в социально-трудовых отношениях*. — Новосибирск.
- Рукавишников В.О.** и др. 1992. Социальная напряженность: диагноз и прогноз // *Социс*. № 3.
- Сови А.** 1977. *Общая теория населения. Т. 1: Экономика и рост населения*. — М.
- Соловьев С.С.** 1993. Методика измерения социальной напряженности в вооруженных силах // *Социс*. № 12.
- Тённис Ф.** 2002. *Общность и общество: Основные понятия чистой социологии*. — СПб.
- Тощенко Ж.Т., Харченко С.В.** 1996. *Социальное настроение*. — М.
- Уровень и образ жизни населения России в 1989—2009 годах**. 2011. — М.

- Фуко** М. 1999. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы*. — М.
- Чернобай** П.Д. 1992. Социальная напряженность: опыт измерения // *Социс*. № 7.
- Штраус** Л. 2007. *Естественное право и история*. — М.
- Ядов** В.А. 1987. *Социологическое исследование: методология, программа, методы*. — М.
- Inglehart** R.F. 1990a. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. — Princeton.
- Inglehart** R.F. 1990b. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. — Princeton.
- Inglehart** R.F. 2008. Changing Values among Western Politics from 1970 to 2006 // *Western European Politics*. № 31.
- Kuran** T. 1998. Social Mechanisms of Dissonance Reduction // Hedstrom P., Swedberg R. (eds.) *Social Mechanisms: an Analytical Approach to Social Theory*. — Cambridge.
- Maslow** A.H. 1954. *Motivation and Personality*. — N.Y.
- Maslow** A.H. 1973. *The Farther Reaches of Human Nature*. — Harmondworth.
- Plyusnin** Yu. 2001. A New Russia — or the Same Old Russia? An Alternative Worldview in the Making // *Russia's Fate through Russian Eyes*. — Boulder.
- Rokeach** M. 1973. *The Nature of Human Values*. — N.Y., L.
- Time in Culture: Mediation and Representation**. 2010. Proc. of International Conference, Tartu, Estonia, Oct. 28—30, 2010.
- Toennies** F. 1887. *Gemeinschaft und Gessellschaft: Grundbegriffe der reinen Soziologie*. — Leipzig.
- Zeeman** E.C., Hall C., Harrison P.J., Marriage H., Shapland P. 1976. A Model for Institutional Disturbances // *British Journal of Mathematical and Statistical Psychology*. Vol. 29.